

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПРОКУДИН-ГОРСКИЙ

Светлана Гаранина

*Профессор кафедры книговедения
Московского государственного
университета культуры и искусств¹*

SERGEI MIKHAILOVICH PROKUDIN-GORSKY

Svetlana Garanina

*Professor, Department of Book Sciences,
Moscow State University
of Culture and the Arts*

С.М.Прокудин-Горский.
Студийный портрет. Лондон.
1910-е или 1920-е годы. Из семейного архива.

S. M. Prokudin-Gorsky.
Studio portrait. London.
1910s or 1920s. From the family collection.

Сергей Михайлович Прокудин-Горский родился 31 августа 1863 г. в городе Муром Владимирской губернии, умер 27 сентября 1944 г. в «Русском доме», похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Родовое имение Прокудиных-Горских Фуникова Гора было селом еще в XVI веке, но в 1607 г. было сожжено «от литовских людей» вместе с находившейся там церковью в честь Успения Пресвятой Богородицы. С тех пор Фуникова Гора стала сельцом.¹ Фуникова Гора до 1778 г. входила в состав Владимирского, а затем – Покровского уезда Владимирской губернии. Сегодня этот населенный пункт не существует. Род Прокудиных-Горских внесен в IV часть Дворянской родо-

Sergei Mikhailovich Prokudin-Gorsky was born on August 31, 1863, in the town of Murom, Vladimir Government and died September 27, 1944, in Paris at the *Maison russe*. He is buried in the Russian cemetery of Sainte-Geneviève-des-Bois.

The ancestral estate of the Prokudin-Gorskys, Funikova Gora, was a village as early as the 16th century, but in 1607 it was burned “by the Lithuanians” together with the church dedicated to Dormition of the Most Holy Mother of God located there. Since then Funikova Gora has been a hamlet.¹ Funikova Gora was part of the Vladimir District until 1778, then part of the Pokrovskii District of the Vladimir Government. This settlement no longer exists today. The Prokudin-Gorsky family was

словной книги Владимирской губернии в 1792 г., а затем в 1848 г. перенесен в VI ее часть.²

entered in part four of the Genealogy of the Nobility of the Vladimir Government in 1792, and then in 1848 it was transferred to part six.²

Герб рода Прокудиных-Горских.
Живописный оригинал хранится в фонде
Департамента Герольдии РГИА СПб. –Ф.1343.-Оп.27.-
Ед.хр.6815.-Л.6.

Coat of arms of the Prokudin-Gorsky family.
Hand painted original is preserved in the collection of the
Department of Heraldry, RGIA, St. Petersburg (fond 1343,
opis' 27, unit 6815, sheet 6).

Согласно семейной легенде, С.М. Прокудин-Горский учился в Александровском лицее, однако, документами это не подтверждено.

According to family legend, S. M. Prokudin-Gorsky was a student at the Alexander Lyceum, although there is no documentary proof of this.

Высшее образование он имел, вероятно, химико-технологическое. В конце 80-х годов он совершенствует свое образование в Германии. Здесь же в 90-е годы начались его исследования по цветовоспроизведению в лаборатории немецкого химика профессора Мите. В 1890 г. он женится на Анне Александровне Лавровой (1870-1937) – дочери известного русского металлурга, одного из основателей отечественного сталепушечного производства, активного члена Императорского русского технического общества Александра Степановича Лаврова.

He had completed higher education, probably in chemical engineering. At the end of the 1880s he advanced his formal education in Germany. It was here in the 1890s that he began research on color reproduction in the laboratory of the German chemist, Professor A. Miethe. In 1890 he married Anna Aleksandrovna Lavrova (1870-1937), daughter of the well known Russian metallographer, one of the founders of Russian steel cannon manufacture, and active member of the Imperial Russian Technical Society, Alexander Stepanovich Lavrov.

Отставной генерал-майор А.С. Лавров был директором Высочайше утвержденного Т-ва Гатчинских колокольных, медеплавильных и сталелитейных заводов и сделал своего зятя директором правления. Эту должность С.М.Прокудин-Горский занимает до Октябрьской революции.

A. S. Lavrov, a retired Major General, was the director of the Imperially Appointed Association of Gatchina Bell, Copper Smelting and Steel Works, which were owned by the state and made his son-in-law director of the executive board. S. M. Prokudin-Gorsky occupies this position until the October revolution.

С.М.Прокудин-Горский с женой Анной Александровной, урожденной Лавровой. 1890-е годы (?). Санкт-Петербург. Из семейного архива.

S. M. Prokudin-Gorsky with his wife, Anna Aleksandrovna (née Lavrova). 1890s (?). St. Petersburg. From the family collection.

Именно с его непосредственной службой связан и его первый доклад, сделанный в ИРТО, «О современном состоянии литейного дела в России», а также многочисленные поездки на Урал.

Императорское Русское Техническое Общество (ИРТО), созданное по инициативе профессоров и инженеров Петербурга в 1866 г., ставило своей целью «содействие развитию техники и технической промышленности в России». Членами общества в разное время были почти все крупнейшие учёные, инженеры и промышленники России: А. Бутлеров, Д. Менделеев, Д. Чернов, П. Яблочков, А. Попов, А. Крылов, Л. Нобель и многие другие. Будучи по существу, политехническим, ИРТО, однако, чётко специализировало свою деятельность. Отраслевые отделы и созданные при них комиссии по специальностям или быстро развивающимся направлениям техники объединяли группы учёных, которые решали конкретные научные задачи, проводили коллективные исследования, вели дискуссии. Для решения же вопросов, важных для русской промышленности в целом, собирались Общие собрания членов ИРТО. С 1867 г. ИРТО издавало многоотраслевой журнал «Записки ИРТО», который отражал все стороны жизни общества, публиковал доклады его членов, сделанные как в Общем собрании, так и в отраслевых отделах.

В 1878 году по инициативе Д.И.Менделеева

It was his first-hand experience in this position that was the basis for his first report “On the Contemporary State of Foundry Practice in Russia” made before the IRTS as well as his numerous trip to the Urals area.

The Imperial Russian Technical Society (IRTS), which was founded at the initiative of St. Petersburg’s professors and engineers in 1866, set as its goal “promoting the development of engineering and technical industries in Russia.” Virtually all the greatest scientists, engineers and industrialists of Russia were members of the Society at one time or another: A. Butlerov, D. Mendeleev, D. Chernov, P. Iablochkov, A. Popov, A. Krylov, L. Nobel, and many others. Although essentially a polytechnic society, the IRTS nonetheless separated its activities into distinct specializations. The branch sections and the commissions organized under them according to specialization or to rapidly developing trends in engineering brought together groups of scientists to solve concrete scientific problems, conduct collective research, and lead discussions. General Assemblies of members of the IRTS were convened in order to resolve questions important for Russian manufacturing in its entirety. Beginning in 1867 the IRTS published a multidisciplinary journal, *Zapiski IRTO* [*Proceedings of the IRTS*], which reflected all aspects of the society’s life, and published members’ reports delivered both in General Assembly and in branch sections.

The fifth, photographic section of IRTS was

был организован V-й фотографический отдел ИРТО.

С 90-х гг. по всей России стали организовываться фотографические общества. Хотя в начале века их насчитывалось уже более сорока и самые крупные из них: Русское фотографическое общество в Москве и киевское общество «Дагерр» — активно работали в области художественной фотографии, Фотографический отдел ИРТО оставался центром развития фотохимии, фотооптики и научной фотографии.

В 1898 г. Прокудин-Горский становится членом фотографического отдела ИРТО и выступает на заседании отдела с сообщением «О фотографировании падающих звезд (звездных дождей)», опубликованным на страницах «Записок ИРТО».³ В этот период его авторитет исследователя и одновременно знатока фотографической практики достаточно высок, ведь именно ему члены фотографического отдела доверяют организацию Курсов практической фотографии при ИРТО, занятия которых вначале проходят в фотографической лаборатории ИРТО в Соляном городке, здесь преподают и его соратники по отделу. На курсах занимались и молодые ученые-естествоиспытатели, которых так же, как и их руководителя, привлекало использование фотографии как метода научного исследования. Учеником Прокудина-Горского был и основатель отечественной эпидемиологии Д.К.Заболотный.

2 августа 1901 года в Петербурге на Б.Подъяческой 22 открывается «фотоцинографическая и фототехническая мастерская» С.М. Прокудина-Горского.

Именно здесь у Прокудина-Горского наконец-то появляется своя химическая «испытательная», как он назовет ее позже, лаборатория, здесь с 1906 по 1909 годы будет расположена редакция журнала «Фотограф-Любитель», в течение 10 лет в этом же доме на Б. Подъяческой будет жить и семья Прокудиных-Горских.

«Фотография в натуральных цветах моя специальность...»

Впервые сообщение о способе изготовления цветных диапозитивов по методу трехцветной фотографии было сделано Прокудиным-Горским 13 декабря 1902 г.⁴, а в январе 1905 г. он

«ознакомил собрание со своими работами по цветной фотографии, проводившимися им в течение 3-х последних лет в Берлине в лаборатории профессора Мите и в С.-Петербурге. Затем докладчик показывал около 70 сделанных им снимков за границей и у нас в

created in 1878 at the suggestion of D. I. Mendeleev.

Beginning in the 1890s photographic societies organized throughout Russia. Although at the beginning of the century they already numbered more than forty, and the largest of them – the Russian Photographic Society in Moscow and the Kiev Daguerre Society – were actively working in the field of artistic photography, the Photographic Section of IRTS remained the center for the development of photochemistry, photographic optics and scientific photography

Prokudin-Gorsky became a member of the photographic section of IRTS in 1898 and at a section meeting delivered a report entitled “On Photographing Falling Stars (Meteor Showers),” which was published on the pages of the *Zapiski IRTO*.³ During this period his prestige as a researcher and, at the same time, as an expert in photographic practice was quite high: in fact he was the one to whom the members of the photographic section entrusted the organization of Courses in Practical Photography sponsored by IRTS, whose lessons first took place in Soliano Gorod [a locale in St. Petersburg]. His colleagues from the section also taught here. Young experimental scientist also took these courses, and, like their instructors, they were attracted by the use of photography as a method for scientific research. Among Prokudin-Gorsky’s students was the founder of Russian epidemiology, D. K. Zabolotny.

On August 2, 1901 the ‘Photozincographic and Phototechnical Studio’ of S. M. Prokudin-Gorsky opens in St.Petersburg at 22 Bolshaia Podiacheskaia St.

It was here that what Prokudin-Gorsky would later call his “experimental” chemical laboratory appeared at last. The editorial offices of *Fotograf-Liubitel’* [Amateur Photographer] were located here from 1906 through 1909, and the Prokudin-Gorsky family lived in this same house on Bolshaia Podiacheskaia for ten years.

“Photography in natural color is my specialty...”

Prokudin-Gorsky first provided an account of the technique of preparing color slides using the method of three-color photography on December 13, 1902,⁴ and then in January 1905 he

“acquainted the assembly with his work on color photography conducted in the course of the last three years in Berlin at the laboratory of Professor Miethe and in St. Petersburg. Then the lecturer showed about 70 slides which he had made abroad and here in Russia. Among them were views,

*России. В числе их были весьма различные по колориту и содержанию, так, например, виды Дагестана и Кавказа, осенние виды Финляндии, зимние пейзажи, жанровые картины, эффекты заходящего солнца и др. Снимки поражали верностью передачи ярких красок природы, вызывали долго несмолкающие аплодисменты и возгласы одобрения среди присутствующих».*⁵

Заметим, что это было собрание профессиональных фотографов и специалистов, отлично владевших всеми современными фотографическими и фотохимическими методами. Получить такое одобрение профессионалов было очень сложно, беспристрастный протокол передает его очень точно.

Из публикаций в печати мы узнаем, что в ту же зиму талантливый ученый «восхищал своими цветными проекциями Петербург и Москву, превзойдя, как химик сам, своего учителя Мите».⁶

В то время на практике применялся единственный способ цветного фотографирования, разработанный немецким профессором А.Мите. Процесс получения цветного изображения был еще чрезвычайно трудоемким: с одной точки снимали через три различных фильтра три негатива. Их проявляли и фиксировали, а затем контактным способом, используя красящие пигменты, получали три окрашенных в основные цвета позитива. Для того чтобы иметь изображение в натуральных цветах, позитивы нужно было совместить. Сначала научились добиваться такого совмещения, проецируя позитивы одновременно на экран. Однако большая стоимость проекционной аппаратуры и естественное желание каждого фотографа видеть снимок не только на полотне экрана заставляли искать иные способы. Сложность заключалась в том, что при трехцветном переносе необходимо было экспонировать три различных по цвету позитивных изображения, точно совместив их. Всю технологию процесса С.М.Прокудин-Горский описал в 12 номерах журнала «Фотограф-Любитель» за 1906 год.

В 1905 г. Прокудин-Горский открыл (создал) новое красочное вещество сложного состава, значительно превосходящее красочные сенсibilизаторы, впервые примененные в 1902 г. немецкими химиками Мите и Траубе, в отличие от которых состав Прокудина-Горского делал бромосеребряную пластину одинаково чувствительной ко всем частям цветового спектра. В описаниях, которые сопровождают его цветные фотографии в журнале «Фотограф-Любитель» всегда указывается «очувствлено по методу С. Прокудина-

*extremely varied in color and content, of such places as Dagestan and the Caucasus, autumn views of Finland, winter scenes, genre pictures, sunrise effects, and others. The pictures were striking in the fidelity of the bright colors of nature, and they elicited lengthy unceasing applause and shouts of approbation among those present.»*⁵

We might note that this was an assembly of professional photographers and specialists who had acquired exceptional mastery of all modern photographic and photomechanical methods. To receive such approval from professionals was no simple matter indeed, and the impartial minutes convey this quite precisely.

From print publications we learn that during that same winter the talented scientist “delighted Petersburg and Moscow with his colored projections, thereby surpassing his teacher Miethe as a chemist in his own right.”⁶

At that time only one method of color photography was in practical use – that developed by the German professor Adolph Miethe. The process of producing a color image was still extremely labor intensive: three negatives were exposed from one point through three different filters. They were developed, fixed, and then by means of a contact method using colored pigments a set of three positives in the primary colors were produced. In order to get the image in natural colors, the positives had to be superimposed. At first they learned how to achieve this superimposition by projecting the positives simultaneously on a screen. However, the high cost of projection equipment and the natural desire of each photographer to see the picture not only on a projection screen compelled them to search for other methods. The difficulty lay in the fact that the three color transfer required exposing three positive images each of a different color and superimposing them exactly. In 1906 S. M. Prokudin-Gorsky described the entire process in twelve issues of the journal *Fotograf-Liubitel'* [Amateur Photographer].

In 1905 Prokudin-Gorsky discovered (i.e. created) a new color substance of complex composition which significantly surpassed the color sensitizing agents which were first used in 1902 by the German chemists Miethe and Traube. In contrast to theirs, Prokudin-Gorsky's compound produced a silver bromide plate equally sensitive to all parts of the color spectrum. The descriptions accompanying his color photographs in the journal *Fotograf-Liubitel'* always included “sensitized using the method of S. Prokudin-Gorsky,” and later:

Горского», а позже: «на пластинах С. Прокудина-Горского». В декабре 1906 г. «Петербургская газета» сообщает, что, совершенствуя чувствительность своих пластин, исследователь добился хороших результатов и предполагает демонстрировать «моментальные снимки в натуральных цветах, что представляет большой успех, так как до сего времени никем не получено».

27 и 28 апреля 1906 г. Прокудин-Горский выступает на VI Международном конгрессе прикладной химии в Риме с докладами «Наблюдения и исследования при фотографировании в натуральных цветах» и «Прикладная фотография в России» с демонстрацией работ.

В 1907 году появляется система цветного фотографирования на пластинах «Автохром», изобретенных и запатентованных фирмой Бр. Люмьер. Под светочувствительный слой, непосредственно на стекло наносили мельчайшие крупинки крахмала, окрашенные в три основных цвета. Пластины вкладывали в кассету стеклянной стороной наружу, так что свет проходил через окрашенные крупинки крахмала, как через фильтр, прежде чем попадал на чувствительный слой. Пластины «Автохром» были встречены восторженно, казалось, что цветная фотография благодаря им становится доступной для широкого круга фотолюбителей. На заседании фотографического отдела ИРТО Прокудин-Горский делает сообщение и демонстрирует «весь ход процесса съемки с живой натуры, специально для этого приглашенной», здесь же проявляет пластины, производит обращение цветного негатива в диапозитив. Во время сушки пластин он показывает ряд снимков, специально приготовленных, «для наглядного пояснения причин неудач и важности правильной экспозиции в этом сложном и капризном процессе».⁷

Прекрасно владея методами работы на пластинах «Автохром», Прокудин-Горский, тем не менее, основным считает трехступенчатый процесс съемки, над совершенствованием которого продолжает работать. Такое предпочтение, по-видимому, обусловлено тем, что метод позволял с негативов делать нужное количество копий, тройных позитивов для производства диапозитивов, служивших в свою очередь, материалом для изготовления металлических клише в сильно увеличенном виде, с которых получали оттиски на типографских машинах.

Совершенствование цветной фотографии шло двумя путями: во-первых, увеличение скорости экспозиции, позволяющее фиксировать быстро текущие события; во-вторых, увеличение возможности тиражировать снимок. В каждое из этих направлений Прокудин-Горский внес свой вклад. Он выступает на международных конгрессах по прикладной химии, успешно участвует в

“using the plates of S. Prokudin-Gorsky.” In December 1906 *Peterburgskaia gazeta* [*Petersburg Gazette*] reported that, by perfecting the sensitivity of his plates, the researcher achieved good results and proposed to demonstrate “instant photographs in natural colors, which represents a great success, since up until now no one has achieved this.”

On April 27 and 28, 1906, at the VI International Congress of Applied Chemistry, Prokudin-Gorsky delivered papers on “Observations and Research on Photography in Natural Color” and “Applied Photography in Russia” during which he demonstrated his work.

In 1907 a system of color photography on Autochrome plates appeared, discovered and patented by the Lumière brothers. Very fine particles of starch, colored in the three primary colors, were applied directly on glass, under a light sensitive coating. The plates were inserted into a cassette with the glass side out, so that the light passed through the colored starch particles, as if through a filter, before hitting the sensitive coating. Autochrome plates were greeted with enthusiasm, and it seemed that thanks to them color photography would become available to a wide circle of amateur photographers. At a meeting of the photographic section of IRTS, Prokudin-Gorsky gave a report and demonstration of “the full extent of the process of taking photographs of animated subjects, specially invited for this occasion,” developed the plates right here, and made the conversion of a colored negative into a diapositive. While the plates were drying he showed a series of pictures which were especially prepared “for the purpose of giving graphic explanations of failures and the importance of correct exposure in this complex and capricious process.”⁷

Having fully mastered methods of working with Autochrome plates, Prokudin-Gorsky nonetheless considered the three-stage shooting process to be fundamental, and he continued to work at perfecting it. This preference, apparently, was dictated by the fact that this method allowed making as many copies as necessary from the negatives and triple positives for producing slides, which in turn served as material for preparing metal plates in greatly enlarged form, from which prints could be made on printing presses.

The perfecting of color photography followed two paths: the first was increasing the exposure speed, which allowed capturing rapidly moving events; the second was increasing the possibility of replicating the pictures. Prokudin-Gorsky made his contribution in each of these directions. He appeared at international congresses on applied chemistry; he participated successfully in

международных фотографических выставках и конкурсах, ему присуждена золотая медаль в Антверпене «за снимки в красках непосредственно с природы», жетон «за лучшие работы» в Ницце. Русское фотографическое общество в Москве избирает его своим почетным членом наряду с братьями Огюстом и Луи Люмьер и профессором Мите, а фотографический отдел ИРТО – своим председателем. С 1906 г. Прокудин-Горский становится редактором-издателем лучшего в России периодического издания по светописии «Фотографа-Любителя».

Каждый номер «Фотографа-Любителя» открывается обращением редактора к читателям. Такая форма позволяла вести непринужденный и серьезный разговор о постановке в России профессионального фотографического образования, о пикторализме в фотографии, рассказывать о новостях фотографической жизни и достижениях фотографической техники.

Лучшей демонстрацией достижений в области цветной фотографии были полиграфические отпечатки цветных снимков, помещаемые в каждом номере «Фотографа-Любителя» и издаваемые в качестве открыток. Бывая за границей, Прокудин-Горский имел возможность сравнить отечественную цветную фотографию и полиграфию с зарубежной и с гордостью писал: «... мы в России не стоим на месте, а идем вперед довольно крупными шагами... Побывав в Берлине, Лондоне, Париже, Вене, Милане и поприглядевшись внимательно к иностранным работам в красках, работам, которые вообще-то появились в публике сравнительно недавно, могу сказать, что у нас это дело стоит несколько не ниже, а по правдивости передачи во многих случаях и выше. Если принять во внимание, что цветное типографское воспроизведение начало развиваться в России каких-нибудь 4-5 лет, то, безусловно, следует признать огромный успех».⁸

«Портрет с натуры в натуральных красках...»

В мастерской Прокудина-Горского на Б. Подьяческой 22 выполнялись и заказные фотоработы: проявлялись и печатались снимки фотолюбителей. Один случай побудил его обратиться с письмом в Ясную поляну:

Глубокоуважаемый Лев Николаевич,

недавно мне пришлось проявлять цветную фотографическую пластину, на которой кто-то Вас снял (фамилию я забыл). Результат получился весьма плохой, ибо, видимо, снимавший плохо знаком с делом.

international photographic exhibitions and contests; and he was awarded a gold medal in Antwerp “for pictures in color taken directly from nature,” and a medal “for the best works” in Nice. The Russian Photographic Society in Moscow elected him as an honorary member together with the brothers Auguste and Louis Lumière and Professor Miethe, and the Photographic Section of the IRTS elected him as its chairman. In 1906 Prokudin-Gorsky became the editor and publisher of the best periodical on photography in Russia: *Fotograf-Liubitel’*.

Each issue of *Fotograf-Liubitel’* opened with the editor directly addressing his readers. This format allowed him to conduct a spontaneous and serious conversation about the organization of professional photographic education in Russia, on pictorialism in photography, to talk about the news of photographic life and about achievements in photographic techniques.

The best demonstration of his achievements in the field of color photography were the printed color photos which were included in each issue of *Fotograf-Liubitel’* and published in the form of postcards. Having been abroad, Prokudin-Gorsky was able to compare Russian color photography and printing with foreign examples, and he wrote with pride: “...we in Russia are not standing still, but are moving forward and making rather large strides.... Having been in Berlin, London, Paris, Vienna and Milan, and having examined rather attentively foreign works in color – works which generally appeared in public not so long ago, comparatively speaking, I can say that in this our standing is not in the least lower, and in many instances is higher. If you take into consideration that the printing of color reproductions began to develop in Russia only some four or five years ago, then you have to grant unequivocally that it has become a great success.”⁸

“Real life portraits in natural colors...”

Prokudin-Gorsky’s studio at 22 Bolshaya Podiacheskaya St. also took in orders for photographic work: it developed and printed photos made by amateur photographers. One case led him to write a letter to Yasnaya Polyana:

Dear Lev Nikolaevich,

Not long ago I had the occasion to develop a color photographic plate which someone had taken of you (I forget the person’s name). The result was extremely bad, since, apparently, the photographer was not well acquainted with his task

Фотография в натуральных цветах моя специальность, и возможно, что Вам случайно попала моя фамилия в печати. В настоящее время мне удалось после многих лет работы достичь превосходной передачи изображений в истинных цветах. Мои цветные проекции известны как в Европе, так и в России.

Теперь, когда процесс фотографирования по моему способу и на моих пластинах требует от 1-3 секунд, я позволю себе просить Вас разрешить мне приехать на один или два дня (имея в виду состояние Вашего здоровья и погоду), дабы сделать несколько снимков в красках с Вас и Вашей супруги...

Мне думается, что, воспроизведя Вас в истинных цветах в окружающей обстановке, я окажу услугу всему миру. Эти изображения вечны – не изменяются. Достичь таких результатов никакая передача красками не может.⁹

Приглашение было получено, и в мае 1908 года Прокудин-Горский отправился в Ясную Поляну. Три дня провел он в семье Толстых. В своей заметке, которой предполагалось сопроводить публикацию портрета в «Записках ИРТО», мастер сообщает ряд интересных подробностей. Так, например, он пишет, что писатель «особенно живо интересовался всеми новейшими открытиями в различных областях, а равно и вопросом передачи изображения в истинных цветах». Естественно, Прокудин-Горский останавливается на технике съемки большого портрета. Он пишет, что вследствие проходившего в мае месяце циклона и сильного ветра вынужден был увеличить время экспозиции до 6 секунд, «включая сюда и время, необходимое для передвижения очень большой кассеты. Съемка была сделана один раз, кассета доставлена на руках в Москву, где только было возможно вынуть из нее пластины для их упаковки». Фотографирование было произведено в пять с половиной часов вечера, тотчас после верховой прогулки Толстого, «оно было сделано в саду, в тени, падающей от дома, причем задний план был ярко освещен солнцем».¹⁰

Портрет был впервые опубликован в августовском выпуске «Записок ИРТО» за 1908 г., которым русская техническая общественность чествовала «великого представителя русской мысли и слова». В статье, адресованной юбиляру, отмечалось, что это «новейший портрет, со-

Photography in natural colors is my specialty, and it is possible that you might have come across my name by chance in print. At the present time, after many years of work, I have been able to achieve an excellent reproduction of images in true colors. My color slide projections are as well known in Europe as they are in Russia

At this time, now that the process of taking photographs using my method and my plates requires from one to three seconds, I permit myself to ask your permission for me to visit for one or two days (keeping in mind the state of your health and the weather), thereby in order to take several color pictures of you and your spouse...

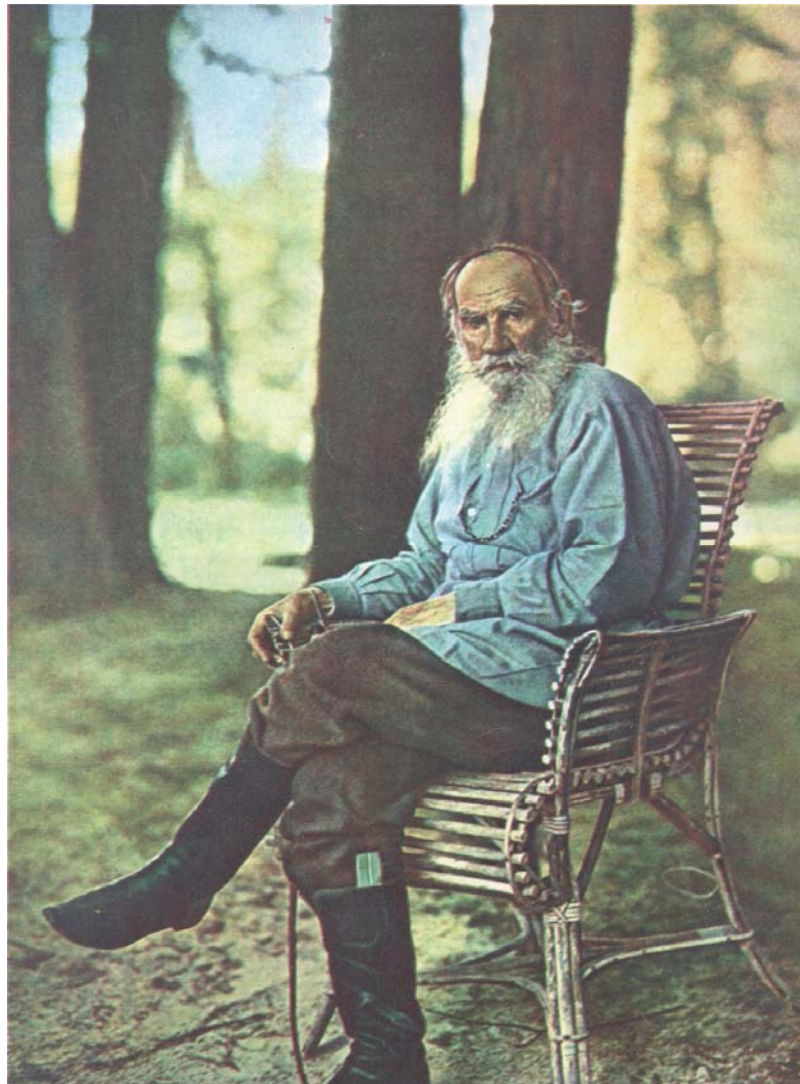
It seems to me that, by reproducing your image in true color and its surroundings, I will perform a service to the whole world. These images are everlasting – they do not change. No painted reproduction can achieve such results.⁹

He received an invitation, and in May 1908 Prokudin-Gorsky set off for Yasnaya Polyana. He spent three days with the Tolstoy family. In his notes, which were intended to accompany the publication of the portrait in the *Zapiski IRTTO*, the master provided a series of interesting details. Thus, for example, he wrote that the author “took an especially lively interest in all the newest inventions in various spheres, and no less so in the problem of reproducing an image in true color.” Naturally, Prokudin-Gorsky dwelled on the techniques of shooting a large portrait. He wrote that as a consequence of a low pressure area that passed through in May and the high winds, he was forced to increase the exposition time to six seconds, “including here the time necessary for sliding a very large cassette. The photograph was taken at one sitting, the cassette was delivered by hand to Moscow, where it was only then possible to remove the plates from it so they could be packed.” The photograph was taken at five thirty in the afternoon, immediately after Tolstoy’s horseback ride. “It was taken in the garden, in the shade created by the home, while the background was brilliantly illuminated by the sun.”¹⁰

The portrait was first published in the August issue of the *Zapiski IRTTO* for 1908, in which the society for Russian engineers honored “the great representative of Russian thought and word.” In the article addressed to Tolstoy on this his 80th birthday, it was noted that this was a “modern portrait, which

ставляющий последнее слово фотографической техники, — портрет с натуры в натуральных красках, исполненный лишь техническими приемами, без всякого участия кисти или резца художника, портрет тем более соответствующий торжественному дню, что он составляет торжество русской техники: съемка портрета в красках с натуры стала возможной лишь благодаря усовершенствованиям, сделанным в России С. М. Прокудиным-Горским в отношении цветочувствительности и верности передачи красок».¹¹ Тогда же портрет был воспроизведен в сентябрьском – 9-ом номере «Фотографа-Любителя» и издан значительным тиражом фотомеханическими мастерскими Прокудина-Горского, а позже книгоиздательством «Солнце» в виде цветных открыток и настенных картин. Открытки выпустило и стереоскопическое издательство «Свет», они до сих пор встречаются на прилавках букинистических магазинов. Во всех случаях клише были выполнены самим фотохудожником.

comprised the latest word in photographic technology, a live portrait in natural colors, accomplished only through technical means, without any benefit of artist's brush or knife, a portrait which is all the more appropriate to this great day inasmuch as it represents a triumph of Russian technology: photographing a live subject has become possible solely thanks to the improvements made in Russia by S. M. Prokudin-Gorsky with respect to color sensitivity and the true transmission of colors."¹¹ The portrait was reproduced again in the September (the ninth) issue of *Fotograf-Liubitel'* and published in a major press run by the photomechanical studios of Prokudin-Gorsky, and later by the book publisher Solntse in the form of color postcards and pictures suitable for framing. Postcards were also produced by the stereopticon publisher Svet, and they can be found to this day on the counters of secondhand book stores. In all cases the plates were produced by the photographer, Prokudin-Gorsky, himself.

Л.Н.Толстой. 23 мая 1908 г.
Портрет воспроизведен с авторского
литографского оттиска,

L. N. Tolstoy. May 23, 1908.
Portrait reproduced from the original
lithograph print,

хранящегося в музее Л.Н.Толстого в Москве.

preserved in the L. N. Tolstoy Museum in Moscow.

Описывая свои впечатления от работ лучших европейских мастеров портретной фотографии, Прокудин-Горский отмечает, что они «стремятся передать человеческое лицо и фигуру в положении, возможно близком к обычному, естественному положению при «обычном» нормальном освещении, невзирая на то, будут ли выработаны все детали в глубоких тенях... Можно было позабыть, что видишь перед собой «фотографию» — видишь самого человека, чувствуешь его. Портретная фотография в данном случае может быть сравнима с такой же живописью».¹²

Sharing his impressions of the works of the best European masters of portrait photography, Prokudin-Gorsky wrote that they “strive to reproduce the human face and figure in a position as close as possible to a usual, normal position with ‘usual’ normal lighting, without respect to the question of whether all the details in deep shadows will be able to be made out... It is possible to forget that you are seeing before you a ‘photograph’ – you are seeing the person himself, you feel him. Portrait photography in this case can only be compared with portrait painting.”¹²

Этим наблюдениям Прокудин-Горский и следует в своих портретных работах.

These same observations Prokudin-Gorsky followed in his own portrait work.

Несколько позже он сфотографировал два театральных портрета Ф.И.Шаляпина в роли Бориса Годунова из одноименной оперы Мусоргского и в роли Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст», портрет в роли Мефистофеля мало известен и с 1915 г. качественно не воспроизводился.¹³

Somewhat later he took two theatrical photographic portraits of F. I. Chaliapin in the role of Boris Godunov from the opera of that name by Mussorgsky and in the role of Mephistopheles from Gounod’s opera *Faust*. His portrait as Mephistopheles is little known and there has not been a quality reproduction since 1915.¹³

Ф.И.Шаляпин в роли Мефистофеля.
(«Фауст» Гуно). 1915 г.
С натуры. С.М.Прокудин-Горский.

F. I. Chaliapin in the role of Mephistopheles.
(Gounod’s *Faust*) 1915.
A live portrait by S. M. Prokudin-Gorsky.

Портрет Шаляпина в роли Мефистофеля замечателен передачей цвета сценического костюма. Автор книги пишет: «Костюм Шаляпина вполне своеобразен. Он, конечно, более связан с веком, ибо, раз действие разыгрывается в обстановке XVI столетия, нужно, чтобы все детали соответствовали этой эпохе. И вот Шаляпин дал великолепное воскрешение

The portrait of Chaliapin in the role of Mephistopheles is remarkable for the color reproduction of his stage costume. The book’s author wrote: “Chaliapin’s costume is quite unique. Of course, it reflected more its own time, and since the action takes place in the sixteenth century, all details had to correspond to that epoch. Here Chaliapin magnificently

портретов старинных мастеров. У Гольдбейна и на гравюрах Дюрера вы найдете немецких щеголей, одетых точно таким же образом; в особенности хорош меч и характерны драпировки плаща. Что касается цвета одежды, то тут опять соблюден принцип какой-то неуловимости, с чисто живописной точки зрения костюм привлекает своим общим колоритом, полным необычайной своеобразности: *это не правильный красный тон* прежних костюмов Мефистофеля, — *он приближается к оранжевому, не впадая в него*.¹⁴ (Подчеркнуто мною, С.Г.) Передать этот тон можно было только с помощью очень точной цветной фотографии, и Прокудин-Горский единственный мог сделать это и, как свидетельствует фотография в книге, сделал.

Портреты, большинство пейзажных и архитектурных снимков мастера мы с полным правом можем отнести к художественной фотографии, однако, сам фотохудожник свою главную задачу видел в том, чтобы «оставить точный документ для будущего».¹⁵ Он настаивает в своей полемике с фотохудожниками нового направления, что «*фотография все-таки искусство протокольного характера*».¹⁶

«Применение фотографирования в натуральных цветах к сохранению древних памятников России.»

В 1908 г. русские фотографические общества подали в Государственную Думу «Записку об авторском праве фотографа». Для большей убедительности в залах Академии художеств была развернута выставка и устроен вечер демонстрации достижений русских фотографов. Гвоздем программы вечера, состоявшегося 30 мая, стал показ на экране цветных проекций Прокудина-Горского, бывшего одним из авторов «Записки». Современник пишет, что представление то и дело прерывалось взрывом рукоплесканий. Среди археологических снимков была показана замечательная древняя ваза, хранящаяся в Эрмитаже, цвета которой начали пропадать. Документальная точность полученного изображения запечатлела их на века и открыла возможность реставраторам воссоздать их. Большой научный интерес представляли также снимки цветных украшений на туркестанских храмах и зданиях, сделанные в начале 1907 года до землетрясения 8 октября 1907 года, разрушившего эти ценнейшие реликвии истории.

В зале среди членов Государственной Думы и Государственного Совета присутствовали и члены императорского дома. Великий князь Михаил Александрович пригласил фотохудожника показать во дворце сделанные снимки и познакомить со способом получения цветных изображений с натуры, затем такое же предложение поступило от Императрицы Марии Федоровны, после чего мастеру предложили продемонстрировать свои работы Государю в Царском Селе.

В годы эмиграции, вспоминая об первом посеще-

resurrected the portraits of the ancient masters. In Holbein and in the engravings of Dürer you find German dandies dressed exactly the same way. The sword is especially good and the draping of the cape is typical. As concerns the color of the costume, here again the principle of a certain intangibility is observed: from a purely pictorial point of view the costume is striking in its general coloration, which is totally and unusually peculiar. *This is not the correct red shade of Mephistopheles' earlier costumes: it approaches orange without actually turning into it.* (Emphasis added.)¹⁴ Reproducing this shade was possible only with the aid of very exact color photography, and Prokudin-Gorsky was the only one able to do this, as indeed the photograph in the book testifies that he was able to do.

The master's portraits, as well as the majority of his landscape and architectural photos we feel fully justified in classifying as artistic photography, although the artist photographer himself saw his as main goal "to leave an exact document for the future."¹⁵ In his polemical exchanges with other artist photographers with modern tendencies, he insisted that "*photography is nonetheless an art of a transactional nature.*"¹⁶

"The application of photographing in natural color to the preservation of Russia's ancient monuments."

In 1908 Russian photographic societies submitted a "Memorandum on Copyright for the Photographer." To add to their persuasiveness they set up an exhibition in the halls of the Academy of Arts and gave an evening demonstration of the achievements of Russian photographers. The highlight of the evening's program, which took place on May 30, was a show of color projections by Prokudin-Gorsky, who was one of the authors of the "Memorandum." A contemporary wrote that the presentation was interrupted by bursts of applause time and again. Among his archeological photos was a remarkable ancient vase which was kept in the Hermitage but whose colors had begun to fade. The documentary exactness of the image had fixed them for ever and opened the possibility for restorers to recreate them. There was also great scientific interest in his photos of the color decorations on Turkestan temples and buildings which he took in the beginning of 1907, before the earthquake of October 8, 1907, which destroyed these priceless historical relics.

Among members of the State Duma and the State Council present in the hall were members of the imperial household. The Grand Prince Mikhail Alexandrovich invited the artist photographer to the palace to show the photos he had made and to introduce his method of achieving natural color images, and then a similar invitation was received from the Empress Maria Fedorovna, after which the master was approached to demonstrate his works to the Tsar at Tsarskoe Selo.

During his years in emigration, recalling this first

нии Царского Села, Прокудин-Горский писал:

Наступил самый ответственный момент, ибо я был уверен, что от успеха этого вечера зависела в значительной мере судьба моего дела. Для этой первой демонстрации Государю мною были выбраны снимки с натуры исключительно этюдного характера: закаты, снежные ландшафты, снимки крестьянских детей, цветы, осенние этюды и т.п. Ровно в половину девятого дежурный арап возвестил: «Их Императорские Величества», и в залу вошли Государь, Государыня со старшими дочерьми и приближенные лица свиты. Поздоровавшись со мной, Государь и Государыня заняли свои места перед будкой, и Государь приказал начинать.

После первой же картины, когда я услышал одобрителный шепот Государя, я уже был уверен в успехе, так как программа была подобрана мною в возрастающем по эффе́ктивности порядке.

Во время перерыва, когда был подан чай с прохладительными напитками, Государь отделился от группы придворных и, подойдя ко мне, стал спрашивать, что я имею в виду делать дальше с этой замечательной работой. Я изложил ему свои взгляды на различные применения, которые моя работа могла иметь, и прибавил: «Вашему Величеству было бы, быть может, также интересно видеть время от времени истинную Россию и ее древние памятники, а равно и красоты разнообразной природы нашей великой Родины».

Государь отнесся с большим одобрением к моим словам и сказал: «Поговорите с С.В. Рухловым, сообщите ему, что именно Вам для этого нужно и пусть он сделает об этом доклад». Затем началось второе отделение, на которое я, особенно, рассчитывал. Так оно и вышло. Каждая картина вызывала не только шепот одобрения, но даже громкие восклицания. По окончании вечера Государь и Государыня с детьми подошли ко мне, благодарили за доставленное большое удовольствие и Государь, обратясь ко мне, сказал: «Так не забудьте же поговорить с Рухловым».¹⁷

В своих записках Прокудин-Горский не сообщает даты посещения Царского Села, но к счастью, всю

visit to Tsarskoe Selo, Prokudin-Gorsky wrote:

The most crucial moment had arrived, for I was certain that the fate of my enterprise depended to a significant degree on the success of this evening. For this first demonstration for the Tsar I chose exclusively photos taken from nature which had the quality of compositions: sunsets, snowy landscapes, pictures of peasant children, flowers, fall scenes, and the like. At exactly eight thirty the Negro attendant announced: "Their Imperial Majesties," and into the hall came the Tsar, the Tsarina and elder daughters, and Lords and Ladies in Waiting. Having greeted me, the Tsar and Tsarina took their places in front of the booth and the Tsar commanded me to begin.

After the very first picture, when I heard the approving whisper of the Tsar, I was already assured of my success, since I had chosen a program arranged in a series, each picture in turn having increasing effectiveness.

During the intermission, when tea and refreshments were being served, the Tsar left the group of courtiers and approaching me, he began to ask what I had in mind to do further with this remarkable work. I gave him an account of my views on various applications which my work might have, and I added: "Your Majesty might also be interested, perhaps, in seeing from time to time the true Russia and her ancient monuments, and in the same way also the beauties of the diverse nature of our great Motherland."

The Tsar reacted with great approval to my words and said, "Speak with S. V. Rukhlov. Tell him precisely what you will need for this, and let him submit a report about this." Then the second part began, on which I had counted especially. So it turned out indeed. Each picture elicited not only a whisper of approval but even loud exclamations. At the end of the evening the Tsar and Tsarina with their children came up to me, thanked me for having given them such great pleasure, and the Tsar, turning to me, said, "So, do not forget, now, to have a talk with Rukhlov."¹⁷

Prokudin-Gorsky did not give the date of his visit to Tsarskoe Selo in his notes, but fortunately we can

хронологическую канву событий мы можем установить по очень точным, хотя и лаконичным, ежедневным записям в дневнике Николая II:

[1909 г.] 3 мая. Воскресенье. [...] Вечером профессор Прокудин-Горский сделал интересное сообщение по фотографии в красках и показал много красивых снимков.¹⁸

Теперь у фотохудожника появилась реальная возможность осуществить свой грандиозный замысел: «Запечатлеть все достопримечательности нашего обширного отечества в натуральных цветах». Этому отныне отдаются мастерство, энергия, деньги. По высочайшему повелению мастеру был предоставлен специально оборудованный пульмановский вагон, для работы на водных путях Министерство выделяло пароход с полным набором команды, маленький пароход, способный идти по мелководью, а для р. Чусовой – моторную лодку. Для съемок Урала и Уральского горного хребта в Екатеринбург был прислан автомобиль Форда, пригодный для трудных дорог. Выданные царской канцелярией документы обеспечивали мастеру доступ во все места Российской Империи, а местная администрация должна была оказывать ему всяческое содействие в успешном проведении съемок. После окончания каждой экспедиции, занимавшей, как правило, лето, Прокудин-Горский обрабатывал полученный материал, показывал свою работу Министру путей сообщения, а затем демонстрировал снимки в Царском Селе.

Первый просмотр во дворце отснятого материала, основываясь на дневниковых записях Николая II, состоялся 20 марта 1910 г.

20 марта. Суббота. [...] После обеда знакомый нам по прошлому году Прокудин-Горский показывал нам свои красивые снимки цветной фотографии из поездки по России до Урала.¹⁹

И дальше в «Дневниках»:

[1911 г.] 22 января. Суббота. В 9 часов в круглой зале Прокудин-Горский показывал свои красивые цветные снимки берегов Волги и Урала.²⁰

Последнее упоминание относится к 1913 году:

7 апреля. Воскресенье. От 9 ч. Прокудин-Горский показывал новые красивые цветные фотографические снимки.²¹

По воспоминаниям фотохудожника, «выбор сюжетов для Государя был несколько иной. Специальные сооружения Министерства, как то: плотины, выемки для железнодорожного пути, разные мосты – Государя не могли интересовать так, как интересовали Его русская старина, древние памятники и красоты природы». Цветную съемку мастер называл процессом «деликатнейшим». «Если с одной сторо-

establish the entire chronological sequence of events from the very precise, although laconic, daily entries in the diary of Nicholas II:

[1909.] May 3. Sunday. [...] In the evening Professor Prokudin-Gorsky gave an interesting report on photography in color and showed many beautiful pictures.¹⁸

Now the artist photography had the real possibility of realizing his grandiose plan “to capture all the splendors of our far flung native land in natural colors.” From this point forward his mastery, energy and wealth were devoted to this plan. By imperial order the master was presented with a specially equipped Pullman car; for work on waterways the Ministry assigned him a steamship which was fully manned and a small steamship capable of traveling shallow waters; and for the Chusovaia River – a motorized boat. For pictures of the Urals and the mountain ridge of the Urals in Ekaterinburg a Ford motorcar was sent which was equipped for rough roads. Documents issued by the Tsar’s chancellery guaranteed the master access to all locations of the Russian Empire, and local administrations were obliged to offer him all possible assistance for successful picture taking. After finishing each expedition, on which as a rule he spent the summer, Prokudin-Gorsky put the material he had gathered into final form, showed his work to the Minister of Communications, and then showed his slides at Tsarskoe Selo.

The first showing of materials he had photographed took place at the palace, according to the diary entries of Nicholas II, on March 20, 1910.

March 20. Saturday. [...] After dinner our acquaintance from last year, Prokudin-Gorsky, showed us his beautiful color photography slides from his travels through Russia to the Urals.¹⁹

And further on in the diaries:

[1911.] January 22. Saturday. At nine p.m. in the Round Hall Prokudin-Gorsky showed his beautiful color slides of the banks of the Volga and of the Urals.²⁰

A later mention is found under the year 1913:

April 7. Sunday. From 9 o'clock Prokudin-Gorsky showed new beautiful colored photographic slides.²¹

According to the memoirs of the artist photographer, “the choice of subjects for the Tsar was somewhat different. Special structures of the Ministry, such as dams, excavations for railways lines, various bridges – these could not have interested the Tsar as much as Russian antiquities, the ancient monuments and beauties of nature did.” The master called color photo shooting a “most delicate” process. “If, on the one hand, thanks to

ны, благодаря всему описанному, работа моя была обставлена очень хорошо, то с другой, она была очень трудна, требовала огромного терпения, знания, опыта и часто больших усилий. [...] Делать снимки приходилось в самых различных и часто очень трудных условиях, а затем вечером надо было снимки проявить в лаборатории вагона и иногда работа затягивалась до поздней ночи, особенно если погода была неблагоприятна и нужно было выяснить, не окажется ли необходимым повторить съемку при другом освещении прежде, чем уехать в следующий намеченный пункт. Затем с негативов там же в пути делались копии и вносились в альбомы».²²

Все съемки Прокудин-Горский производил на собственные средства, правительство ограничилось транспортной помощью. Фотохудожник планировал в течение десяти лет сделать 10000 фотографий достопримечательностей России от Финляндии до Тихого океана. И чисто технически он уже был способен осуществить столь грандиозный замысел: добился высокой цветочувствительности своих пластин, позволявшей делать на них моментальную съемку, мог производить пластины в достаточном количестве и успешно тиражировать полученные изображения. У него был большой опыт полевых, походных съемок, он бывал во многих экспедициях как член Императорского Русского географического общества.

Уже первый год работы показал, что осуществить задуманное на собственные средства не удастся. Стоимость специальной аппаратуры, реактивов, пластин, фотобумаги, плата помощникам приводили к тому, что каждый снимок обходился 10 рублей, 1000 фотографий производимых ежегодно, стоили 10000 рублей. Экспедиции, обработка и описание отснятого материала не оставляли времени для других заработков, а в семье было трое детей.

Естественно, возникает вопрос, неужели деньги на съемки не могло выделить Министерство Императорского двора, коль скоро Николай II был так живо заинтересован проводимой работой? В своих воспоминаниях Прокудин-Горский дает ответ на этот вопрос: «Государь ничего не сказал, потому что я ни о чем не просил. Министр ничего не говорил, потому что на это не было высочайшего повеления, а я считал, что предоставленные мне возможности в достаточной степени двигают меня по пути достижения моей задачи, а отчасти и даже опасался испортить дело».²³

Деньги быстро таяли, коллекция росла, обработанный материал на стеклянных пластинах был достаточно громоздким, для его хранения требовалось помещение. Крупные частные фирмы предлагали Прокудину-Горскому капитал, однако уверенность в том, что коллекция должна принадлежать государству, заставила его обратиться в правительство.

Архивы сохранили «Дело Канцелярии Совета

all that is described above, my work was provided for very well, then on the other it was very difficult, it required enormous patience, knowledge, experience and often great effort. [...] We had to take photos under the most varied and often very difficult conditions. And then, in the evening, we had to develop the photos in the car's laboratory and sometimes the work dragged on until late at night, especially if the weather was inauspicious and it was necessary to clarify whether it might not be necessary to repeat shooting a photograph with different lighting before leaving for the next selected point. Then, right there, on the road, copies were made from the negatives and put in albums.»²²

Prokudin-Gorsky produced all these photos using his own resources, since the government limited itself to assistance with transportation. The artist photographer planned in ten years to take ten thousand photographs of the splendors of Russia from Finland to the Pacific Ocean. From a purely technical standpoint he was already capable of accomplishing such a grandiose undertaking: he had achieved the high color sensitivity of his plates which permitted taking instant photos, and he could produce plates in sufficient quantity and successfully replicate the images he acquired. He had extensive experience with mobile field photos, since he had been on many expeditions as a member of the Imperial Russian Geographical Society.

However his first year of work already demonstrated that to accomplish what he had conceived by using his own resources would be impossible. The cost of special equipment, chemicals, plates, photographic paper, and of paying assistants meant that each photo cost 10 rubles, and that 1000 photos made each year cost 10,000 rubles. The expeditions, refinement and description of the material photographed did not leave time for other income-producing work, and there were three children in the family.

The question naturally arose of whether the Ministry of the Imperial Court might appropriate money for the photographs. Was not Nicholas II so vitally interested in the work that was being done? Prokudin-Gorsky provided the answer to this question in his memoirs: “The Tsar said nothing because I did not ask for anything. The Minister said nothing because there had been no Imperial Decree concerning this, and I considered that the possibilities which had been offered me had adequately carried me along the path towards achieving my goal, and also in part I was afraid to spoil the undertaking.»²³

Money quickly melted away, the collection grew, and the material processed on glass plates was sufficiently cumbersome that it required a place for storage. Major private firms offered Prokudin-Gorsky capital funds, however his conviction that the collection should belong to the state forced him to turn to the government.

The archives have preserved the “File of the

Министров о приобретении в казну составляемой профессором Прокудиным-Горским коллекции фотографических снимков достопримечательностей России». В состав архивного дела входят обращение Прокудина-Горского перед очередной экспедицией летом 1910 г. к Министру Финансов В.Н. Коковцову с просьбой купить у него выполненную часть работы, чтобы обеспечить дальнейшую; Докладные записки Прокудина-Горского, деловая переписка по этому вопросу Председателя Совета Министров П.А. Столыпина и В.Н.Коковцова, письмо Августейшего Управляющего Русским Музеем Вел. Кн. Георгия Михайловича, другие материалы делопроизводства. Здесь приведем некоторые фрагменты «Дела...».

«Так как весь интерес моей жизни неразрывно связан с этой работой, я позволю себе усиленно ходатайствовать, в случае если бы состоялось решение о переходе всей работы в какое-либо ведомство, дать мне возможность, хотя бы безвозмездно, принимать активное участие в руководстве при эксплуатации материала», — просит ученый в своей очередной «Докладной записке» от 6 декабря 1910 года.

«Так как весь интерес моей жизни неразрывно связан с этой работой, я позволю себе усиленно ходатайствовать, в случае если бы состоялось решение о переходе всей работы в какое-либо ведомство, дать мне возможность, хотя бы безвозмездно, принимать активное участие в руководстве при эксплуатации материала», — просит ученый в своей очередной «Докладной записке» от 6 декабря 1910 года.

Специально созданная Советом Министров «Межведомственная комиссия» в своем «Заключении» отметила «Когда картинам С.М. Прокудина-Горского будет устроен широкий доступ в наши учебные заведения, то у нас окажется образцовое, истинное *родиноведение* (выделено С.Г.), и в этом важном и необходимом деле Россия займет завидное положение между культурными странами».²⁴

Были произведены все сметные расчеты и определены суммы на покупку прав и продолжение работ. Однако, все намерения остались только на бумаге. Думается, что роковую роль сыграла гибель П.А. Столыпина в сентябре 1911 г

В «Заключении Межведомственной комиссии...» встречаем подтверждение того, в Туркестане была удачно проведена что киносъемка: по методу Прокудина-Горского были получены «этнографические картины групп жителей, находящихся в движении, например: ярмарки, народные празднества, крестные ходы и т.п. Получение таких картин возможно только при моментальной экспозиции, для чего необходимо было спроектировать и построить особый новый фотографический аппарат, впервые испытанный С.М.Прокудиным-Горским осенью сего 1911 г. при поездке в Туркестан».²⁵

Демонстрация снятого фильма проходила 24 ян-

Chancellery of the Council of Ministries Concerning Acquisition by the State of the Collection of Photographs of the Splendors of Russia Created by Professor Prokudin-Gorsky.” The archive file contains Prokudin-Gorsky’s request, which he submitted prior to his next scheduled expedition in the summer of 1910, to the Minister of Finance, V. N. Kokovtsov, that they purchase from him the work he had already accomplished in order to support its continuation. It also contains reports by Prokudin-Gorsky, correspondence on this question between the Chairman of the Council of Ministers, P. A. Stolypin, and V. N. Kokovtsov, a letter of the Most August Director of the Russian Museum, Grand Prince Georgy Mikhailovich, and other paper work. Here we will cite a few fragments of the file.

“Since my whole life’s interest has been inseparably linked with this work, I shall permit myself to petition intensively, so that, in case there would be a decision to transfer the entire work to some department, I be allowed the possibility, even without recompense, of actively participating in the direction of how the material would be used,” the scholar requested in his “Report” of December 6, 1910.

“Since my whole life’s interest has been inseparably linked with this work, I shall permit myself to petition intensively, so that, in case there would be a decision to transfer the entire work to some department, I be allowed the possibility, even without recompense, of actively participating in the direction of how the material would be used,” the scholar requested in his “Report” of December 6, 1910.

“When S. M. Prokudin-Gorsky’s pictures will be given broad access to our educational institutions, then we will have exemplary, true *motherland area studies* [emphasis added] and in this important and necessary matter Russia will occupy an enviable place among cultured countries.”²⁴

The commission produced cost analyses and fixed the amounts for acquiring the rights and continuing the work. However, all these intentions remained only on paper. It would seem that a decisive role was played by the death of P. A. Stolypin in September 1911.

In the “Decision of the Interdepartmental Commission...” we find confirmation of the fact that the movie making in Turkestan was successful. Prokudin-Gorsky’s methods produced “ethnographic pictures of groups of inhabitants who were in motion, for example: markets, national celebrations, processions of the cross, and the like. It was possible to get such pictures only with instantaneous exposures, for which it was necessary to design and build a special new photographic apparatus, tested for the first time by S. M. Prokudin-Gorsky in the fall of this year, 1911, during travels in Turkestan.”²⁵

A demonstration of this film was staged on January

варя 1912 года в Соляном городке, где с момента своего возникновения (1866 г.) размещалось ИРТО, в зале Кустарного музея. По-видимому, качество съемки или воспроизведения не удовлетворило Прокудина-Горского, так как демонстрируя свои достижения членам правительства 3 марта 1912 г. в Зале Экспедиции Заготовления Государственных бумаг, он ограничился проекцией диапозитивов.

Чтобы иметь деньги на продолжение съемок и совершенствование своего нового изобретения — цветного кинематографа, Прокудин-Горский находит денежных компаньонов и вместе с С.О. Максимовичем организует в январе 1913 г. «товарищество на вере под фирмою «Торговый дом С.М.Прокудин-Горский и К^о»».²⁶

Несколько позже в том же 1913 г. Прокудин-Горский организует Акционерное общество «Биохром», которому передается вся собственность «Торгового дома...». Акционерное общество «Биохром» учреждено, согласно его уставу, «для проведения и развития действий, принадлежащих «Торговому дому С.М. Прокудин-Горский и К^о» мастерских фотоцинкографии в С-Петербурге, для эксплуатации изобретений С.М. Прокудина-Горского, С.О. Максимовича и других изобретателей в области цветной фотографии и цветной кинематографии, а также красочного и всякого другого печатания...

В Париже, подводя итог проделанной в России работы, Прокудин-Горский дает перечень отснятого. Приведем его полностью:

ОБСЛУЖЕНЫ БЫЛИ:

- 1) – Мариинский водный путь;
- 2) – Туркестан;
- 3) – Бухара (старая);
- 4) – Урал в отношении промыслов;
- 5) – Вся река Чусовая от истока;
- 6) – Волга от истока до Нижнего Новгорода;
- 7) – Памятники, связанные с 300-летием дома Романовых;
- 8) – Кавказ и Дагестанская область;
- 9) – Муганьская степь;
- 10) – Местности, связанные с воспоминаниями о 1812 годе (Отечественная война);
- 11) — Мурманский железнодорожный путь.

Кроме того, есть много снимков Финляндии, Малороссии и красивых мест природы.²⁷

24, 1912, in Solianoï Gorodok, where the IRTS had been located ever since its founding in 1866, in the Handcrafts Museum. Apparently the quality of the pictures or the reproductions did not satisfy Prokudin-Gorsky, since he limited himself to showing slides at the demonstration of his achievements for members of the government on March 3, 1912, in the Hall of the Dispatch Office for the Preparation of State Papers.

In order to have the money for continuing to take pictures and to perfect his new discovery – a color movie camera – Prokudin-Gorsky located financial partners and together with S. O. Maksimovich in January 1913 organized a “trust partnership under the name of the firm of S. M Prokudin-Gorsky and Company.”²⁶

Somewhat later that year Prokudin-Gorsky organized a joint-stock company, Biochrome, which acquired all the property of the firm of Prokudin-Gorsky. The joint-stock company Biochrome was established, according to its by-laws, “for the conduct and development of the activities of the photo-zincographic studios in St. Petersburg belonging to the firm of S. M. Prokudin-Gorsky and Co., for applying the discoveries of S. M. Prokudin-Gorsky, S. O. Maksimovich and other inventors in the field of color photography and color cinematography and also color and any other type of printing...

In Paris, summing up the result of the work done in Russia, Prokudin-Gorsky listed what he had photographed. We cite it in whole:

ACCOMPLISHED WERE

- 1) – *The Mariinsky Waterway;*
- 2) – *Turkestan;*
- 3) – *Bukhara (old);*
- 4) – *The Urals, as regards industry;*
- 5) – *The entire Chusovaia River from its origins;*
- 6) – *The Volga from its origins to Nizhny Novgorod;*
- 7) – *Monuments related to the 300th anniversary of the Romanov dynasty;*
- 8) – *The Caucasus and the Dagestan District;*
- 9) – *The Mugan Steppe;*
- 10) – *Locales related to recollections of the War of 1812 (The Fatherland War);*
- 11) – *The Murmansk Railroad.*

*In addition there are many photos of Finland, Ukraine, and places of natural beauty.*²⁷

Продолжая исследования, Прокудин-Горский добивается новых успехов: патентует способ изготовления дешевых цветных пленочных диапозитивов, вместе с Максимовичем берет патенты по цветной синематографии в Германии, Англии, Франции, Италии.²⁸

Начавшаяся Первая Мировая война заставила его почти полностью отказаться от съемок коллекции и работать для военных надобностей: заниматься цензурой прибывающих из-за границы кинематографических лент, анализом фото препаратов, обучением съемкам с аэропланов и т.д.

Последний раз снимки из Коллекции достопримечательностей России демонстрировались на родине 12 и 19 марта 1918 г. в Николаевском зале Зимнего дворца на вечерах под названием «Чудеса фотографии», устроенных Народным Комиссариатом Просвещения.²⁹

Prokudin-Gorsky achieved new success as he continued his research: he patented a method for preparing inexpensive color film slides, and together with Maksimovich got patents on color cinematography in Germany, England, France and Italy.²⁸

The beginning of World War I forced him to abandon photographing for his collection almost completely and to work on military matters: censorship of cinematographic film from abroad, analysis of photographic chemicals, study of photography from airplanes, and so forth.

Photographs from the Collection of the Splendors of Russia were shown in Russia for the last time on March 12 and 19, 1918, in the Nicholas Hall of the Winter Palace at evening gatherings called “The Wonders of Photography” organized by the People’s Commissariat for Education.²⁹

С.М.Прокудин-Горский со второй женой Марией Федоровной (урожденной Щедриной) и дочерью Еленой. 1921 г. Ницца. Семейный архив Сусалиных.

S. M. Prokudin-Gorsky with his second wife, Maria Fedorovna (née Shchedrina) and their daughter Elena. 1921.Nice. The Soussaline Family Archive.

Вскоре после Октябрьской революции Прокудин-Горский был назначен профессором специально созданного по указанию А.В.Луначарского фотокиноинститута. Но уже в 1918 г. он покинул Россию.

Через Финляндию и Норвегию Прокудин-Горский попадает в Англию, где продолжает свои эксперименты по созданию цветной пленки для кинематографических съемок. Здесь в 1920 году он женится на своей сотруднице Марии Федоровне Щедриной; у них родилась дочь Елена (в замужестве Елена Сергеевна Сусалина).

В эмиграции, попав после скитаний в Париж, куда к этому времени уже переехала из России его первая семья, С.М. Прокудин-Горский вместе со своими сыновьями, унаследовавшими профессию отца, и дочерью Екатериной, в замужестве Свечиной, организуют фотоателье, которое по имени младшей дочери от второго брака называют «Ёлка». В начале 30-х гг. Прокудин-Горский отошел от дел в лаборатории и занялся просветительской деятельностью. Ателье, теперь уже под названием «Братья Горские», продолжило свою деятельность. В семье сохранился экземпляр превосходного цветного альбома национальных павильонов Всемирной парижской выставки 1937 г., снятый братьями Михаилом и Дмитрием Прокудиными-Горскими по методу отца. Относительно недавно альбом воспроизведен факсимильно одной из парижских издательских фирм.³⁰

Периодические издания русской эмиграции дают возможность воссоздать хронику выступлений уже старого фотохудожника перед русской молодежью в Париже — на ежегодных детских праздниках, в Русской академической группе, в патриотическом объединении «Русский Сокол» он выступает с лекциями и показами «Образы России», «Россия в картинах», «Центральная Россия». Он пишет в своей записке: «Единственный способ показать и доказать русской молодежи, уже забывающей или вообще не видевшей своей Родины, всю мощь, все значение, все величие России и этим пробудить столь нужное национальное сознание, — это показать ее красоты и богатства на экране такими, какими они действительно и являлись в природе, т.е. в истинных цветах».³¹

В 30-е годы в Париже возникла мысль создать фотографическую коллекцию исторических и художественных памятников Франции и ее колоний, но денег на этот проект найти не удалось, идея была частично реализована Михаилом Прокудиным-Горским, составившим коллекцию этнографических типов французских женщин в национальных костюмах, один из экземпляров коллекции хранится у его сына Сергея Прокудина-Горского в Париже.

Скончался С.М. Прокудин-Горский в «Русском Доме» и похоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

Soon after the October Revolution Prokudin-Gorsky was appointed Professor of the Photo and Film Institute specially created by order of A. V. Lunacharsky. However, he soon left Russia, in 1918.

Traveling via Finland and Norway, Prokudin-Gorsky ended up in England, where he continued his experiments creating color film for cinematographic pictures. Here in 1920 he married his colleague, Maria Fedorovna Shchedrina, and they had a daughter (whose married name is Elena S. Soussaline).

Having arrived in Paris after his wanderings, where at this time his first family had already come from Russia, the émigré Prokudin-Gorsky set up a photo studio together with his sons, who had inherited their father's profession, and his daughter Ekaterina, whose married name was Swetchine. The studio was named Elka [Yolka] after the nickname of his younger daughter from his second marriage. Early in the 1930s Prokudin-Gorsky left the studio business to take up educational activities. The studio, now called Gorsky Brothers, continued its activities. The family has preserved a copy of a splendid color album of the national pavilions at the Paris World Fair of 1937 which the brothers Michel and Dimitri Procoudine Gorsky had taken using their father's methods. Not long ago the album was reproduced in facsimile by a publishing company in Paris.³⁰

By searching the periodical press of the Russian emigration it is possible to create a chronology of the now elderly photographer's appearances before the Russian youth of Paris — at annual children's holidays, in the Russian academic group, in the patriotic organization "Russian Falcon" he gave lectures and shows entitled "Images of Russia," "Russia in Pictures," "Central Russia." He wrote in his notes: "The only way to show and to prove to Russian youth, who have already forgotten or who have generally never seen their motherland, the full power, full significance, full greatness of Russia and in this way awaken that national awareness that is so necessary — the only way is to show them her beauties and riches on the screen and in just the way they actually appear in nature, i.e. in true color."³¹

In Paris in the 1930s the idea occurred to create a photographic collection of historical and artistic monuments of France and its colonies, but money for this project could not be found. Michel Procoudine Gorsky realized this idea in part by creating a collection of ethnographic types of French women in national costume, one copy of which collection is preserved by his son Serge Procoudine Gorsky in Paris.

S. M. Prokudin-Gorsky died in the Maison russe and he was buried in the Russian cemetery at Sainte-Geneviève-des-Bois.

Крест и могила С.М. Прокудина-Горского на кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. Cross and headstone of S. M. Prokudin-Gorsky in the cemetery at Sainte-Geneviève-des-Bois

¹ Государственный архив Владимирской области. Ф.556. оп.3. д.72. /Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskoi oblasti. [State Archive of the Vladimir District], fond 556, opis' 3, delo [file] 72.

² Фролов Н.В. Владимирская родословная. Вып.1. Ковров. «БЭСТ.В», 1996. С.109. /N. V. Frolov, "Vladimirskaiia rodoslovnaia [Vladimir Genealogy]," vol. 1. Kovrov. "BEST.V", 1996. Page 109.

³ Записки ИРТО. 1899. Вып. 1. с.59-63./ *Zapiski IRTO* [Proceedings of the IRTS], 1899, vol. 1, pp. 59-63.

⁴ РГИА СПб. Ф.90. Оп.1. Ед.хр. 445. Л.27./ RGIA, St. Petersburg, fond 90, opis' 1, unit 445, sheet 27. "С.М. Прокудин-Горский сделал сообщение о фотомеханическом отделении Высшей Технической Школы в Шарлоттенбурге. Докладчик подробно ознакомил присутствующих с программой предметов, преподаваемых в Отделении, указал на серьезное отношение директора отделения проф. Мите и его помощников к преподаванию и руководству практическими занятиями студентов. Затем докладчик перешел к изложению способа изготовления цветных диапозитивов на принципе трехцветной фотографии, с которым ему удалось ознакомиться на фабрике д-ра Гезекииля. Диапозитивы последний готовит следующим образом. Для красного и желтого позитива он копирует соответственные негативы на целлулоидных пленках, обработанных двуххромовокислой солью. После копировки проявляет в теплой воде, фиксирует и затем окрашивает эритрозинем и нафтоловой желтой. Синий диапозитив Гезекииль делает на диапозитивных пластинках. Для этого экспонирует пластинку под соответственным негативом в копировальной раме, проявляет и обрабатывает красной солью. Восстановленное в проявителе металлическое серебро превращается в желтое синь-серебро, которое переводится хлорным железом в берлинскую лазурь. После этого диапозитив промывается и фиксируется. Все три диапозитива склеиваются между собою канадским бальзамом. Докладчик в заключение демонстрировал на экране цветные диапозитивы, изготовленные по описанному способу. П.М.Дементьев и К.Н.Чистерман указали, что подобный описанному докладчиком способ был значительно ранее опубликован Сангером-Шепардом. П.М.Дементьев показал на экране несколько цветных диапозитивов, изготовленных по измененному способу Гезекииля. Собрание шумными аплодисментами благодарило докладчика и П.М.Дементьева."

⁵ РГИА СПб. Ф.90. Оп.1. Ед.хр. 449. Л.59-60/ RGIA, St. Petersburg, fond 90, opis' 1, unit 449, sheets 59-60.

- ⁶ Фотограф-Любитель. 1905. № 11. С.402./ *Fotograf-Liubitel'* [Amateur Photographer] 1905 (11):402.
- ⁷ РГИА СПб. Ф.90. Оп.1. Ед.хр. 460. Л.18./ RGIA, St. Petersburg, fond 90, opis' 1, unit 460, sheet 18.
- ⁸ Там же.-С.99./*Ibid.*, p. 99.
- ⁹ Гос. Музей Л.Н. Толстого. Отдел рукописей. Инв. №16 474./ Gos. Muzei L. N. Tolstogo. [State Tolstoy Museum], Otdel rukopisei [Manuscript Division], inv. no. 16474.
- ¹⁰ РГИА СПб. Ф.90. Оп.1. Ед.хр. 9129. Л.19-20./ RGIA, St. Petersburg, fond 90, opis' 1, unit 9129, sheets 19-20.
- ¹¹ Записки ИРТО. 1908. №8. С.369./*Zapiski IRTO*, 1908 (8):369.
- ¹² Фотограф-Любитель. 1908. №7. С.203-204./ *Fotograf-Liubitel'* 1908 (7):203-204.
- ¹³ См. наши статьи: Гаранина С. Фотомонография о Шаляпине. Фотография. 1997. №2. ; Последний трагик... Книгочей. 1998. №3./ See our articles: S. Garanina, "Fotomonografiia o Shaliapine, [Photomonograph of Chaliapin]" *Fotografiia* [Photography] 1997 (2); "Poslednii tragik, [The last tragedian]" *Knigochei* [Avid reader] 1998 (3).
- ¹⁴ Старк Э. Шаляпин. С.80./Stark, *Shaliapin*, p. 80.
- ¹⁵ Каталог образцов цветной печати художественных фотомеханических мастерских С.М. Прокудина-Горского. СПб., 1911. С.8./ *Katalog obraztsov tsvetnoi pechati khudozhestvennykh fotomekhanicheskikh masterskikh S. M. Prokudina-Gorskogo* [Catalog of Examples of Color Prints by the Artistic Photomechanical Studios of S. M. Prokudin-Gorsky]. St. Petersburg, 1911, p. 8.
- ¹⁶ Фотограф-Любитель. 1906. №5. С.132./ *Fotograf-Liubitel'* 1906 (5):132
- ¹⁷ Личный архив С.М.Прокудина-Горского. Собственность его внука, М.И.Сусалина./Personal archive of S. M. Prokudin-Gorsky. Property of his grandson, M. I. Soussaline.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Ед.хр. 254. Л.6./GARF [State Archive of the Russian Federation], fond 601, opis' 1, unit 254, sheet 6.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Ед.хр. 254. Л.55./GARF, fond 601, opis' 1, unit 254, sheet 55.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Ед.хр. 256. Л.104./GARF, fond 601, opis' 1, unit 256, sheet 104.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп.1. Ед.хр. 259. Л.176./GARF, fond 601, opis' 1, unit 259, sheet 176.
- ²² Семейный архив. – С.М.Прокудин-Горский – внук. Париж./Family archive, S. M. Procoudine Gorsky (grandson), Paris.
- ²³ Личный архив С.М.Прокудина-Горского./ Personal archive of S. M. Prokudin-Gorsky.
- ²⁴ РГИА СПб. Ф.25. Оп.5. Ед.хр. 381. Л.7,2./ RGIA St. Petersburg, fond 25, opis' 5, unit 381, sheet 7,2.
- ²⁵ РГИА СПб. Ф.25. Оп.5. Ед.хр. 1925. Л.2-3./ RGIA St. Petersburg, fond 25, opis' 5, unit 1925, sheets 2-3.
- ²⁶ РГИА СПб. Ф.23. Оп.12. Ед.хр. 1925. Л.27./ RGIA St. Petersburg, fond 23, opis' 12, unit 1925, sheet 27.
- ²⁷ Личный архив С.М.Прокудина-Горского./ Personal archive of Prokudin-Gorsky.
- ²⁸ РГИА СПб. Ф.23. Оп.12. Ед.хр. 1925. Л.28./ RGIA St. Petersburg, fond 23, opis' 12, unit 1925, sheet 28.
- ²⁹ Фотографические новости. 1918. №3. С.34./*Fotograficheskie novosti*, 1918 (3):34.
- ³⁰ *Exposition internationale des arts et des techniques appliqués à la vie moderne: album officiel: Paris 1937 Edition* Colombes: J. Chaplain, 1987.
- ³¹ Личный архив С.М. Прокудина-Горского и его сыновей Дмитрия и Михаила. Собственность С.М. Прокудина-Горского, внука. Париж./ Personal archive of S. M. Prokudin-Gorsky and his sons Dimitri and Michel. Property of S. M. Procoudine Gorsky, his grandson. Paris.